УДК: 329.17:351.86(470) DOI: 10.12737/24782

ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАРТИЙ И ДВИЖЕНИЙ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СОСТОЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

***Волкова А.Е.*[1]**

В статье рассматриваются ключевые особенности, выделяемые в деятельности партий и движений националистической направленности в рамках политического процесса современной России. Автором делается ряд выводов о влиянии указанных партий и движений на состояние национальной безопасности России. Обосновывается, что среди ключевых характеристик национальной безопасности является именно наличие межэтнического и межконфессионального согласия, предполагающего стабильность и целостность политической системы.

Автором делается вывод, что неустойчивость в выстраивании этноконфессиональных отношений приводит не только к определенным политическим и социальным конфликтам внутри страны, но и вызывает соответствующую реакцию и во внешней среде.

Ключевые слова: национальная безопасность, национализм, политический процесс.

FEATURES OF THE ACTIVITY OF PARTIES AND MOVEMENTS OF NATIONALIST DIRECTION AND THEIR INFLUENCE ON THE STATE OF NATIONAL SECURITY OF MODERN RUSSIA

VOLKOVA A.E. – Assistant of the Department of Public Relations, Central State Engineering University, Director of the Institute of Political Analysis and Strategies (Russian Federation, Voronezh), e-mail: alina-volkova@ro.ru

In the article the key features revealed in the activity of political parties and movements of nationalist direction in the political process of modern Russia are discussed. The author draws a number of conclusions about the influence of these parties and movements on the state of Russian national security. It is proved that among the key characteristics of national security there is the presence of inter-ethnic and inter-confessional consent, involving stability and integrity of the political system.

The author concludes that instability in forming ethnic and religious relations leads not only to certain political and social conflicts within the country but also causes the reaction in the external environment.

Keywords: national security, nationalism, political process.

Партии и движения националистической направленности институционализировались на территории современной России в конце 80-х годов XX века. В современный период новейшей истории они представляют собой и социальный феномен. Если исходить из общетеоретических подходов М. Дюверже, К. фон Байме, Дж. Лаполомбаза, С. Хантингтона и др., то партии националистической направленности можно отнести к крайне правым (ультраправым, праворадикальным, правым популистским) политическим организациям.

Волкова Алина Евгеньевна – ассистент кафедры связей с общественностью, Центрально-Черноземный государственный инженерный университет, адрес: 394006, г. Воронеж, ул. Моисеева, д,15а, e-mail: alina-volkova@ro.ru

Как отмечает К. фон Байме, для крайне правых характерен и популизм, и экстремизм одновременно[1]. Крайне правые (националистические) партии уже давно занимают особое место в партийных системах стран Западной Европы: «Национальный фронт» (Франция), «Истинные финны» (Финляндия), «Народная партия Дании», Австрийская народная партия и др. Новые угрозы для коренного населения ФРГ вылились в рождение и быстрое восхождение «Альтернативы для Германии» (АдГ), триумфально победившей на региональных выборах в трех землях в марте 2016 года (партия институционализировалась в 2013 году). Активно интегрировались ультраправые партии в партиомы своих стран в Восточной Европе: «Йоббик» (Венгрия), «Народная партия Наша Словакия» (Словакия).

«Новая волна» в политическом процессе стран Западной и Восточной Европы снимает с повестки дня научного и прикладного дискурса понятие «вечно вчерашние» в отношении правого популизма и правого радикализма (в России точки зрения о «вечно вчерашних» придерживалась С. Погорельская[2]). На наш взгляд, современные европейские тенденции политического процесса в ракурсе функционирования политических партий и общественных движений наглядно деконструируют прежние устоявшиеся подходы. Крайне правые (националистические) партии и движения не только перестали быть «вечно вчерашними», но и, на наш взгляд, становятся политическим мэйнстримом (взять, к примеру, партию «Альтернатива для Германии» и ее интеракции с движением «ПЕГИДА» - антиисламской организацией в ФРГ).

Крайне правые (националистические) партии становятся «новой силой», разрушающей устоявшийся политический консенсус в отношении ценностей, политики и процедур, как в «старой», так и в «новой» Европе. Причем их политический мэйнстрим базируется, как это ни странно, на функционирующем демократическом процессе, дающем «…шанс бывшим политическим аутсайдерам либо тем, кто вообще впервые заявил о себе на поле современной политики»[3]. Только при демократических режимах (не при тоталитарных и не при авторитарных) они имеют реальные основы либо для завоевания власти, либо для оформления своей силы и влияния (стать оппозиционными политическими партиями).

В постсоветской России партии и движения националистической направленности всегда присутствовали в легальном и нелегальном политическом поле. Определенные трудности в их функционировании доставляли противоречия в действующем законодательстве. Так, например, категории «политические партии» и «общественные движения» на протяжении достаточно долгого времени были если не идентичны, то логично дополняли друг друга. В частности, до вступления в силу ФЗ от 11.07.2001 №95-ФЗ «О политических партиях» общероссийские общественные движения могли трансформироваться в политические партии. Данный способ был одним из двух возможных в части регистрации политических партий.

Съезд общероссийского общественного движения мог принять соответствующее решение о преобразовании в политическую партию, в свою очередь региональные подразделения общественных движений становились региональными отделениями партий. Вместе с тем по прошествии двух лет с момента вступления ФЗ «О политических партиях» в силу, общероссийские общественные движения и организации потеряли право трансформироваться в политические партии, утрачивали статус политического общественного объединения и могли действовать только как общественные организации.

---

[1] Байме К. Популизм и правый экстремизм в партийных системах эпохи постмодерна //Берегиня-777-Сова. – 2014. – №4(23). – С.101–109.

[2] Погорельская С. «Вечно вчерашние»: правый популизм и правый радикализм в Западной Европе // Мировая экономика и международные отношения. – 2004. – №3. – С. 51–63.

[3] Правый радикализм как фактор европейской политики («круглый стол») //Современная Европа. – 2002. – №3 (11). – С. 108–110. – С. 109.

Для партий и движений националистической направленности существует несколько правовых и политических причин, затрудняющих их шансы на успех в легальном политическом поле. Приведем лишь некоторые из них. Например, «не допускается создание политических партий по признакам профессиональной, расовой, национальной или религиозной принадлежности»[1]. К тому же в условиях «мягкого авторитаризма» (термин, введенный Е. Гонтмахером[2]) их поддержка среди определенных социальных групп и слоев населения не могла и не может трансформироваться в политические дивиденды (к примеру, в серьезный успех на выборах). Кроме того, коррекция политических правил в электоральном и ином политическом процессе не дает им возможности использовать имеющийся главный политический ресурс (эксплуатация национального вопроса)[3]. Все эти аспекты влияли и влияют на конвенциональные (легальные и регулируемые законом) и неконвенциональные (незаконные) формы политического участия.

Стоит также отметить, что для политических процессов современной России, по оценкам отечественного исследователя Э.А. Паина, свойствен маятникообразный характер, на который существенно влияют партии и движения националистической направленности. Автор данной парадигмы уверен, что в политической сфере важнейшей особенностью являлось чередование протестной активности, тревожности, этнических меньшинств и этнического большинства. «Первый период постсоветской России прошел под знаком активности этнических меньшинств. Второй начался с активизации этнического большинства»[4].

Заметим, что, исследуя итоги переписи населения 2010 года через призму политического процесса, на первый взгляд может показаться, что Россия – одна из самых полиэтнических стран мира: «Последняя перепись населения России показала, что сегодня в стране живёт 193 народности, которые говорят на 171 языке»[5]. Однако академик РАН, директор Института этнологии и антропологии РАН В.А. Тишков обращает внимание на следующий любопытный факт: хотя «в России переписью 2010 года зафиксировано владение её жителями 278 языками, пять языков (кроме русского) имеют более одного миллиона носителей (татарский, украинский, чеченский, башкирский, чувашский), но 150 языков имеют менее одной тысячи носителей»[6].

Таким образом, хотя численность коренного русского населения в РСФСР и РФ составляла и составляет более 80% (что, по европейским меркам, дает основания говорить о моноэтническом государстве), уровень поддержки националистических организаций в России был (и до настоящего времени остается) невысоким. Между тем лидеры националистических движений бывших республик СССР, в период 1989–1991 годов проводя линию на отделение своих республик и образование собственных государств, опирались на большинство представителей титульной нации (страны Прибалтики, Грузия и частично Украина).

Вторая особенность деятельности партий и движений националистической направленности в РФ состояла в том, что процессы вызревания идей в умах лидеров русских националистических организаций и формирования умеренного и радикального русского национализма среди значительной части титульной нации не были параллельными. Можно говорить о том,

---

[1] Вагина Л.С. Теоретические основы исследования деятельности политических партий как субъекта политики в современной России // Вестник ОГУ. – 2011. – № 5(124). – С. 37–42. – С. 41.

[2] Модернизация, авторитаризм, демократия. Сборник материалов конференции (ИМЭМО РАН, 29 марта 2010 г.). – М.: ИМЭМО РАН, 2010. – 75 с. – С. 5.

[3] Выборы без национализма URL.: – URL: http://lenta.ru/articles/2016/01/25/onf/ (Дата обращения: 17.04.2016).

[4] Паин Э.А. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России . – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2003. – 164 с. – С. 18.

[5] Топорков С. Осторожно: национализм / С. Топорков // Российская газета. – 2012, 27 августа. – С. 2.

[6] Тишков В. Путь к себе / В. Тишков // Российская газета. – 2012, 24 августа. – С. 1, 9.

что процесс формирования национального самосознания русского населения происходил гораздо позже. Интервал между формированием национального самосознания и оформлением идей партиями и движениями националистической направленности в политической парадигме и программах националистических движений составлял 15–20 лет. Перечисленные факторы в совокупности и определяют своеобразие феномена русского национализма.

Анализируя деятельность партий и движений националистической направленности в России в хронологическом контексте с конца 1991 по 2015 г., можно говорить и о своеобразии национализмов в определенные исторические отрезки времени. В этом отношении следует принимать во внимание и теоретические разработки известного американского исследователя Р. Брубейкера, который классифицировал националистические движения в зависимости от их интеракций с государством, на территории которого они ведут свою деятельность, выделяя «национализм, стремящийся конструировать политию (учредить новое национальное государство), и национализм, стремящийся национализировать (этнизировать) уже существующее государство»[1].

В конце XX века и в начале нового тысячелетия на территории страны, на наш взгляд, оформились две тенденции. Первая из них связана с тем, что ряд движений национальных меньшинств РФ, особенно в период становления нового государства (чеченский, ингушский, татарский, башкирский национализмы, национализм якутов), имел своей целью оформление собственных государств, вплоть до выхода из состава Российской Федерации[2]. Мы можем говорить о том, что эти национализмы имели своей целью конструирование политии.

Другая тенденция, менее четкая – стремление лидеров движений и партий титульной нации этнизировать существующее государство. Данные тенденции четко проявились на протяжении двадцати лет функционирования нового государства. Причём по особенностям их реализации можно говорить о том, что для первой тенденции был характерен период 90-х годов, и лишь укрепление вертикали власти в начале 2000-х годов в связи с избранием на пост президента В. Путина остановило данную тенденцию. Что касается второго тренда, то в настоящее время он находится на стадии выражения в общественном сознании, однако именно он на данный момент является доминирующим.

Рассматривая деятельность партий и движений националистической направленности, важно обратить внимание на мнение политолога А. Празаускаса[3]. Опираясь на представление об этносе как социокультурной территориальной устойчивой общности с предписанным членством, исследователь выделяет в структуре этничности ряд функций: когнитивную (включает в себя этнические стереотипы и определенные ориентиры вне зависимости от их содержания); интегративную (создание определенной сплоченности и гомогенности общества): нормативную (определение способов социализации индивида, социального взаимодействия между индивидами и группами, составляющими этническую общность); эмоциональную (дает ощущение психологической безопасности и принадлежности к большой этнической общности); идеологическую (создание иллюзии участия в «исторической судьбе» группы); инструментальную. Вероятно, совокупность данных функций помогала и помогает партиям и движениям националистической направленности выстраивать стратегию, тактические схемы и технологии обеспечения поддержки со стороны населения своих убеждений и действий.

---

[1] Брубейкер Р. Этничность без групп [Текст]/ Пер. с англ. И. Борисовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.

[2] Чеченская Республика Ичкерия [Режим доступа] – URL: http://www.igpi.ru/monitoring/1047645476/oct_97/chechen.html (Дата обращения: 23.01.2016).

[3] Празаускас А.А. Этнонационализм, многонациональное государство и процессы глобализации // Полис. – 1997. – №2. – С. 95–105. – С. 99.

С данным предположением соглашается политолог З. Синкевич, отмечающий, что ценность этнического происхождения в сознании многих народов России «все еще заметно превышает значимость общегражданской идентичности»[1]. Иными словами, автор отмечает, что в условиях Российской Федерации народы, проживающие на ее территории, пока не готовы признать себя частью конструкта под названием «российская нация», ориентируясь на собственные этнические традиции и устои. И этот фактор дает новые основания для партий и движений националистической направленности укреплять позиции среди своих этносов.

Подобный подход к существованию и трансформации этничности может привести к этнической мобилизации, которая, как отмечает российский политолог Л. Дробижева, выражается в том, что «народ или политические (этнические) лидеры национальных образований полагают, что могут двигаться к модернизации быстрее, чем метрополии»[2]. Применительно к современному политическому процессу в Российской Федерации данный тезис отражает ситуацию, когда отдельные национальные республики в составе страны, получая определенные политические и экономические свободы, могут утверждать свою «независимость» от федерального центра. Таким образом, возможная этническая мобилизация отдельных национальных республик в составе Российской Федерации может привести к серьезному всплеску сепаратистских настроений на их территориях.

Вместе с тем инициативная деятельность партий и движений по выделению в составе Российской Федерации отдельных этносов и их внутреннее усиление в долгосрочной перспективе могут привести к формированию новых наций, способных к построению собственного государства внутри РФ. Российский политолог И. Кудрявцев предлагает алгоритм, согласно которому возможен переход этноса в сплоченную нацию и в дальнейшее формирование суверенного государства. Так, он отмечает, что сначала должен пройти период «осмысления наличия и/или зрелости структурообразующих предпосылок, которые потенциально способствуют становлению нации»[3]. В рамках данного этапа происходит осмысление общего исторического прошлого, обозначение «врагов» и «друзей» конкретного этноса, степени сопротивления других этнонациональных идентичностей.

Второй этап, по мнению политолога, заключается в «разработке и распространении в рамках данного социума идей, бессознательных конструктов общего «национального Я» через средства коммуникации. Здесь подразумевается тот факт, что при развитии в общественном сознании мощных обратных связей происходит образование структур «коллективного Я» нации. В дальнейшем происходит или конституирование нового национального государства (в случае успешного формирования национальных движений и партий), или же перед новым нацией-государством встает вопрос о выстраивании политических отношений с иными национальными меньшинствами (в том случае, если нация, создавшая государство, не составляет на конкретной территории более 80% населения).

Особую специфику и пространственно-временные характеристики имеют партии и движения националистической направленности в посттоталитарных обществах. Так, по мнению П. Канделя, «национализму, возникающему в обществах, оказывающихся перед необходимостью модернизации, различные версии концепции модернизации обычно вменяют три основных функции:

1) консолидация общества для целей модернизации;

---

[1] Синкевич З.В. О соотношении этнического и социального // Журнал социологии и социальной антропологии. — 1999. – Т. II. — №2. – С. 73-80. — С. 79.

[2] Дробижева М. Этницизм и проблемы национальной политики // Куда идёт Россия? Альтернативы общественного развития / Под ред. Заславской Т.И. и Арутюнян Л.А. — М.: Интерпракс, 1994. — С. 188—193. – С. 188.

[3] Кудрявцев И.В. «Национальное Я» и политический национализм // Полис. – 1997. — №2. – С. 88.

2) мобилизация его на цели, с нею связанные;

3) компенсации страданий, вызванных отчасти предшествующей отсталостью, отчасти – самой модернизацией»[1]. В дальнейшем нами будут рассмотрены особенности татарского и финно-угорского национализмов на территории Российской Федерации, однако уже здесь нам представляется уместным отметить их следующие особенности.

Во-первых, следует признать тот факт, что националистические проявления акторов в Республике Татарстан логично укладываются в концепцию П. Канделя в части, касающейся консолидации общества для целей модернизации. Следует признать, что за последние двадцать пять лет республике в составе РФ удалось сделать многое в плане экономического и социального развития. Успехи во многом основаны именно на идее мобилизации татарского народа, его объединения и соединения в рамках территориального образования. С другой стороны, национализм финно-угорских народов (ориентированный не столько на экономико-социальное развитие) согласно концепции П. Канделя, выступал именно средством компенсации страданий, вызванных предшествующей отсталостью или же ставших результатом процессов глобализации.

Что касается движений национального большинства, то использование его концепта в политическом пространстве ключевыми акторами (общественными организациями, незарегистрированными политическими партиями, гражданскими активистами) следует связывать с целями модернизации (в общем понимании) для создания нового, независимого и сильного государства.

Рассматривая участие акторов националистического спектра, следует понимать, что неустойчивость в выстраивании этноконфессиональных отношений приводит не только к определенным политическим и социальным конфликтам внутри страны, но и вызывает соответствующую реакцию и во внешней среде, приводя, в частности, к увеличению сепаратистских и экстремистских настроений. Данная особенность этноконфессионального фактора позволяет нам говорить о его влиянии на национальную безопасность страны в целом. Понятие национальной безопасности мы рассматриваем с точки зрения «…состояния защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства»[2].

Исследователями выделяется несколько типов национальной безопасности на основании четырех критериев. Так, по уровням национальной безопасности различают международную, европейскую, коллективную безопасность стран СНГ. По субъектам выделяются: личная, общественная, государственная безопасность. С точки зрения природных данных и условий жизни выделяются генетическая, экологическая и психологическая безопасность. И, наконец, последний критерий – сферы жизни, в его рамках выделяются политический, экономический, социальный, духовный, экологический виды безопасности.

В этой связи нам представляется необходимым выделить ключевые составляющие национальной безопасности: «безопасность личности, безопасность общества, безопасность государства»[3]. Все негативные проявления национализма (ксенофобия, экстремизм, терроризм, сепаратизм) в той или иной степени направлены на индивида или группу индивидов, составляющих общество и государство. Усиление подобных явлений, увеличение частоты их прояв-

[1] Кандель П.Е. Национализм и проблема модернизации в посттоталитарном мире // Полис. – 1994. — №6. – С. 8.
[2] Литвинов В.А. Основы национальной безопасности России. – Изд. 2-е. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – С. 61.
[3] Там же.

лений в современном обществе напрямую будут свидетельствовать о серьезных проблемах в системе формирования национальной безопасности страны. Таким образом, приоритетными направлениями национальной безопасности Российской Федерации в среднесрочной и долгосрочной перспективе являются борьба с терроризмом и сепаратизмом, борьба с организованной преступностью и коррумпированностью, которые зачастую имеют ярко выраженный этнический оттенок, и обеспечение экономической и научно-технической безопасности страны.

Как утверждает политолог С. Бабурин, безопасность государства как политико-правовая категория включает в себя ряд параметров: государственную целостность территории и системы власти и управления; государственное единство законов, экономического и информационного пространства; национальный суверенитет, выражающийся в верховенстве Конституции и законодательства на всей территории государства. Кроме того, особую ценность представляет «общенациональное согласие, выражающееся в межэтническом и межконфессиональном согласии, равенстве всех в гражданских правах; государственной мощи и авторитете на международной арене»[1].

Из данного определения следует, что одной из ключевых характеристик национальной безопасности является именно наличие межэтнического и межконфессионального согласия, предполагающего стабильность и целостность политической системы и обеспечивающего ее. Подобный взгляд на проблематику национальной безопасности позволяет сделать вывод о том, что в случае пренебрежения со стороны государства к этноконфессиональным отношениям у федеральных и региональных органов власти могут появиться серьезные трудности в части противодействия негативным проявлениям национализма (ксенофобии, экстремизму, терроризму, сепаратизму).

Библиография/References:

1. Бабурин С.Н., Дзлиев М.И., Урсул А.Д. Стратегия национальной безопасности России: теоретико-методологические аспекты: Монография. – М.: Магистр : ИНФРА-М, 2014. – 356 с.

2. Байме К. Популизм и правый экстремизм в партийных системах эпохи постмодерна // Берегиня-777-Сова. – 2014. – № 4 (23). – С.101–109.

3. Брубейкер Р. Этничность без групп / Пер. с англ. И. Борисовой. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.

4. Вагина Л.С. Теоретические основы исследования деятельности политических партий как субъекта политики в современной России // Вестник ОГУ. – 2011. – № 5(124). – С. 37–42.

5. Выборы без национализма. – URL: http://lenta.ru/articles/2016/01/25/onf/ (Дата обращения: 17.04.2016).

6. Гончаров Д.В. Структура территориальной политики в России // Полис. – 2012. – № 3. – С. 63 – 75.

7. Дробижева Л.М. Этницизм и проблемы национальной политики // Куда идёт Россия? Альтернативы общественного развития / Под ред. Заславской Т.И. и Арутюнян Л.А. – М.: Интерпракс, 1994. – С. 188–193.

8. Кандель П.Е. Национализм и проблема модернизации в посттоталитарном мире // Полис. – 1994. – №6. – С. 6–15.

9. Кудрявцев И.В. «Национальное Я» и политический национализм // Полис. – 1997. – №2. – С. 77–94.

[1] Бабурин С.Н., Дзлиев М.И., Урсул А.Д. Стратегия национальной безопасности России: теоретико-методологические аспекты: Монография / С.Н. Бабурин, М.И. Дзлиев, А.Д. Урсул. – М.: Магистр : ИНФРА-М, 2014. – 356 с. – С. 198–199.

10. Литвинов В.А. Основы национальной безопасности России. Изд 2-е. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – 160 с.
11. Паин Э.А. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2003. – 164 с.
12. Погорельская С. «Вечно вчерашние»: правый популизм и правый радикализм в Западной Европе // Мировая экономика и международные отношения. – 2004. – № 3. – С. 51–63.
13. Правый радикализм как фактор европейской политики («круглый стол») // Современная Европа. – 2002. – № 3 (11). – С. 108-110.
14. Празаускас А.А. Этнонационализм, многонациональное государство и процессы глобализации // Полис. – 1997. – №2. – С. 95–105.
15. Синкевич З.В. О соотношении этнического и социального // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1999. – Т. II. – №2. – С. 73–80.
16. Тишков В. Путь к себе // Российская газета. – 2012, 24 августа.
17. Топорков С. Осторожно: национализм // Российская газета. – 2012, 27 августа. – С. 2.

1. Baburin, S.N., Dzliev, M.I., Ursul, A.D. (2014) Strategiia natsional'noi bezopasnosti Rossii: teoretiko-metodologicheskie aspekty [The strategy of national security of Russia: theoretical and methodological aspects]: Monografiia. – M.: Magistr : INFRA-M. – 356 p. (In Russ.)
2. Baime, K. (2014) Populizm i pravyi ekstremizm v partiinykh sistemakh epokhi postmoderna [Populism and right-wing extremism in the party systems of the postmodern era] // Bereginia-777-Sova. – № 4 (23). – P.101–109. (In Russ.)
3. Brubeiker, R. (2012) Etnichnost' bez grupp [Ethnicity without groups] / Per. s angl. I. Borisovoi. – M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki. – 408 p. (In Russ.)
4. Vagina, L.S. (2011) Teoreticheskie osnovy issledovaniia deiatel'nosti politicheskikh partii kak sub"ekta politiki v sovremennoi Rossii [Theoretical basis of the research activities of political parties as the subject of politics in modern Russia] // Vestnik OGU. – № 5(124). – P. 37–42. (In Russ.)
5. Vybory bez natsionalizma [Election without nationalism]. – URL: http://lenta.ru/articles/2016/01/25/onf/ (Data obrashcheniia: 17.04.2016). (In Russ.)
6. Goncharov, D.V. (2012) Struktura territorial'noi politiki v Rossii [Structure of territorial policy in Russia] // Polis [Polis. Political Studies]. – № 3. – P. 63 – 75. (In Russ.)
7. Drobizheva, L.M. (1994) Etnitsizm i problemy natsional'noi politiki [Etnitsizm and problems of national policy] // Kuda idet Rossiia? Al'ternativy obshchestvennogo razvitiia [Where goes Russia? Alternatives to community development] / Pod red. Zaslavskoi T.I. i Arutiunian L.A. – M.: Interpraks. – P. 188–193. (In Russ.)
8. Kandel', P.E. (1994) Natsionalizm i problema modernizatsii v posttotalitarnom mire [Nationalism and the problem of modernization in the post-totalitarian world] // Polis [Polis. Political Studies]. – №6. – P. 6–15. (In Russ.)
9. Kudriavtsev, I.V. (1997) «Natsional'noe Ia» i politicheskii natsionalizm ["National I" and political nationalism] // Polis [Polis. Political Studies]. – №2. – P. 77–94. (In Russ.)
10. Litvinov, V.A. (2014) Osnovy natsional'noi bezopasnosti Rossii [Basics of Russia's national security]. Izd 2-e. – M.: LENAND. – 160 p. (In Russ.)
11. Pain, E.A. (2003) Mezhdu imperiei i natsiei. Modernistskii proekt i ego traditsionalistskaia al'ternativa v natsional'noi politike Rossii [Between empire and nation. The modernist project and its traditionalist alternative to Russian national policy]. – M.: Fond «Liberal'naia missiia». – 164 p. (In Russ.)
12. Pogorel'skaia, S. (2004) «Vechno vcherashnie»: pravyi populizm i pravyi radikalizm v Zapadnoi Evrope ["Forever yesterday": right-wing populism and right-wing radicalism in Western Europe] //

Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia [World Economy and International Relations]. – № 3. – P. 51–63. (In Russ.)

13. Pravyi radikalizm kak faktor evropeiskoi politiki («kruglyi stol») [The right-wing radicalism as a factor in European politics ("round table")] // Sovremennaia Evropa [Modern Europe]. – 2002.–№3 (11). – P. 108-110. (In Russ.)

14. Prazauskas, A.A. (1997) Etnonatsionalizm, mnogonatsional'noe gosudarstvo i protsessy globalizatsii [Ethno-nationalism, multi-national state, and the processes of globalization] // Polis [Polis. Political Studies]. – №2. – P. 95–105. (In Russ.)

15. Sinkevich, Z.V. (1999) O sootnoshenii etnicheskogo i sotsial'nogo [On the relation between ethnic and social] // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii [Journal of Sociology and Social Anthropology]. – T. II. – №2. – P. 73–80. (In Russ.)

16. Tishkov, V. (2012) Put' k sebe [Way to himself] // Rossiiskaia gazeta [Russian newspaper]. – 24 avgusta. (In Russ.)

17. Toporkov, S. (2012) Ostorozhno: natsionalizm [Caution: Nationalism] // Rossiiskaia gazeta [Russian newspaper]. – 27 avgusta. – P. 2. (In Russ.)